

Евгений Рейн: искусство элегии

Бродский, когда он пишет о других поэтах, не слишком стремится проникнуть в то, что составляет неповторимо-личностное ядро *другого*. Он исходит из представления о том, что существуют некие лирические универсалии, равно стимулирующие творчество Вергилия, Цветаевой, Одена или тех поэтов-современников, предисловия к книжкам которых ему приходилось писать в последние годы жизни. Поэтому в статьях о поэтах он безоговорочно проецирует собственный опыт, собственные стилистические пристрастия и предубеждения на других. В результате мы имеем два типа эссе. Одни, написанные по внутренней необходимости, показывают нам, как Бродский воспринимает Вергилия, Цветаеву, Одена и прочих интересных ему поэтов, другие, некоторое количество написанных по необходимости предисловий, читать приходится по принципу «мухи отдельно, котлеты отдельно», поскольку автор откровенно пишет о собственном опыте, благодушно распространяя его и на другого поэта, сказать о котором нечто конкретное он избегает. Небольшое эссе о Рейне, написанное в 1991 году в качестве предисловия к «Избранному», стоит здесь особняком¹³⁶. Нигде метод идентификации с описываемым поэтом не был так оправдан, как здесь.

Прежде всего Бродский выделяет элегию как жанр, определяющий лирику Рейна. «Элегия – жанр ретроспективный и в поэзии наиболее распространенный. Причиной тому отчасти свойственное любому человеческому существу ощущение, что бытие обретает статус реальности главным образом постфактум, отчасти – тот факт, что самое движение пера по бумаге есть, говоря хронологически, процесс ретроспективный»¹³⁷. Элегичность действительно выделяла Рейна из круга молодых ленинградских поэтов. Жанром, которому отдавалось предпочтение в этом кругу, было то, что в старину называлось «мелким стихотворением», лирическая миниатюра, направленная на то, чтобы уловить сиюминутное переживание, впечатление, наблюдение, мысль. Талантливые поэты писали в рамках этого жанра очень разные стихи. Сопоставить натуралистические картинки советского быта у «горняка» Леонида Агеева, эзотеричные благодаря формированию метафоры из разнородного и в значительной степени научного материала восьмистишия Михаила Еремина и психологически сложные, но лапидарно оформленные интроспекции Александра Кушнера трудно, но они одноприродны по жанру. У этих и других талантливых поэтов, названных и не названных выше, сиюминутное переживание в удачном стихотворении

136 В кн.: *Рейн Е. Б. Избранное*. М.; Париж – Нью-Йорк: Третья волна, 1992. Поучительный анализ статей, предисловий и отзывов Бродского о поэтах дан в *Полухина 2003*.

137 Там же. С. 6.

фиксируется во всем богатстве психологических нюансов, не передаваемых такими слишком общими словами, как «радость», «печаль» и т. п. Рейн, который был на пять лет старше Бродского, подтолкнул друга не к формальному, а к мировоззренческому выбору. Элегия, ностальгический по своей сущности жанр, имеет дело не с настоящим, а с прошлым, то есть с проблемой времени – не с жизнью как таковой, а с жизнью в виду смерти. Любое поэтическое творчество необходимо только тогда, когда другие формы дискурса оказываются неадекватны. В этом смысле *raison d'être* элегии вытекает из известного высказывания Витгенштейна о том, что рассуждать о смерти невозможно, поскольку «смерть не является событием жизни»¹³⁸. Там, где бессильно рассуждение, возможен лирический текст. У элегического творчества есть и еще одна подоплека – неразрешимая проблема языка и времени: любое писание «процесс ретроспективный». Эта проблема волновала романтиков с точки зрения неполной адекватности любого текста непосредственному переживанию, так как текст всегда «после»; Бродского же здесь волнует не столько выразимость или невыразимость эмоций, сколько, если можно так выразиться, «неостановимость мгновения».

Остановись, мгновенье! Ты не столь
прекрасно, сколько ты неповторимо.

(«Зимним вечером в Ялте», ОВП)

По счастливому совпадению, приблизительно тогда же, когда началось знакомство с Рейном, Бродский открыл для себя Баратынского. Встретившись с Рейном после вызванного эмиграцией шестнадцатилетнего перерыва в 1988 году, Бродский на вопрос старого друга: «А что тебя подтолкнуло к стихам?» – ответил: «Году в пятьдесят девятом я прилетел в Якутск и прокантовался там две недели, потому что не было погоды. Там же, в Якутске, я помню, гуляя по этому страшному городу, зашел в книжный магазин и в нем я надыбал Баратынского – издание „Библиотеки поэта“. Читать мне было нечего, и когда я нашел эту книжку и прочел ее, тут-то я все понял: чем надо заниматься»¹³⁹. «Чем надо заниматься» вслед за Баратынским, свое понимание современного элегического творчества Бродский расшифровывает в заметке об этом поэте: «Он никогда не бывает субъективным и автобиографичным, а тяготеет к обобщению, к психологической правде. Его стихотворения – это развязки, заключения, постскрипумы к уже имевшим место жизненным или интеллектуальным драмам, а не изложение драматических событий, зачастую скорее оценка ситуации, чем рассказ о ней. <...> Стих Баратынского преследует свою тему с почти кальвинистским рвением, да и в самом деле эта тема сплошь и рядом – далекая от совершенства душа, которую автор изображает по подобию своей собственной»¹⁴⁰.